

**ПЕТР
ГАННУШКИН**

ЧЕЛОВЕК ПРЕСТУПНЫЙ

КЛАССИКА
КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

В ДУШЕ ПСИХОПАТА

**ПУТЕШЕСТВИЕ
В МИР БЕЗ ЖАЛОСТИ,
СОВЕСТИ И ЧУСТВ**

Петр Борисович Ганнушкин
В душе психопата.
Путешествие в мир без
жалости, совести и чувств
Серия «Человек преступный.
Классика криминальной психологии»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22125340

В душе психопата. Путешествие в мир без жалости, совести и чувств:

Алгоритм; Москва; 2017

ISBN 978-5-906979-05-6

Аннотация

Петр Борисович Ганнушкин впервые в истории осмелился изучить и классифицировать пугающий мир людей, лишенных способности чувствовать – психопатов. Предлагаемая книга выдающегося отечественного психиатра П. Б. Ганнушкина явилась итогом почти тридцатилетней исследовательской деятельности автора. Впервые были даны четкие клинические критерии отграничения конституциональных психопатий, обоснованы сохранившие свое значение до настоящего времени три признака, их определяющие. В работе подробно исследованы

типы, законы, формулы развития психопатий, дана авторская классификация психопатий, а самое главное, приведены сотни реальных и зачастую трагических историй людей, лишенных возможности чувствовать.

Содержание

От издателя	6
Предисловие	7
Душа психопата. Общие вводные соображения	16
Статика психопатий	28
Циклоиды	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Петр Ганнушкин
В душе психопата.
Путешествие в мир без
жалости, совести и чувств

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

От издателя

Книга выдающегося русского психиатра П.Б. Ганнушкина явилась итогом почти тридцатилетней исследовательской клинической практики. Вместе с автором вы погрузитесь в мрачный, расколотый психическим расстройством, мир психопатов, узнаете истории жизни некоторых пациентов великого врача, научитесь определять психопатов и понимать особенности их душевной организации. П.Б. Ганнушкин впервые дал четкие клинические критерии отграничения конституциональных психопатий, обосновал сохранившие свое значение до настоящего времени три признака, их определяющие. В работе подробно исследованы типы, законы, формулы развития и классификация психопатов.

Предисловие

Клиническая психиатрия переживает кризис. Этот кризис неизбежен. Психиатрия – самая молодая и самая сложная отрасль клинической медицины. Она только что вырвалась из объятий спекулятивного мышления, только что стала на биологическое основание и, твердо держась за эту базу, начала быстро развиваться. Успехи и достижения клинической психиатрии – и теоретические, и практические – очень большие. Однако если многое сделано, то еще больше предстоит сделать.

Если в одной очень большой своей части, в области так называемых экзогенных, клиническая психиатрия самым близким образом подошла к остальной медицине, если в этой группе «экзогенных» (в широком смысле слова) психических заболеваний между психиатрической и терапевтической клиниками нет ни разницы, ни противоречий – ни в смысле изучения материала, ни в смысле методов лечения, – то есть в психиатрической клинике большая группа заболеваний, группа громадного значения, которая по-прежнему навлекает на психиатрию недовольство со стороны соматиков: соматики по-прежнему готовы видеть в психиатрах не биологов, а «психологов» в специфическом смысле этого слова, по-прежнему отказываются от общего языка и даже общего мышления, по-прежнему готовы отрицать за психи-

атрией право быть отраслью медицины.

Эта группа – группа так называемых конституциональных психопатий. Эта группа крайне разнообразна, до сих пор она остается крайне разрозненной, она описывается в разных главах и даже в разных томах психиатрических учебников и руководств; в эту группу входят и циркулярный психоз, и паранойя, и истерия, и «психопатические личности», и ненормальные реакции, и половые извращения и т. д. Было бы очень желательно и совершенно необходимо найти и для этой группы случаев соматическую базу или хотя бы определенные соматические корреляции. В этом отношении делаются многочисленные и исключительные попытки: эти попытки не только делаются, они должны делаться, ибо уже сейчас есть много оснований думать, что эти попытки – скоро ли, поздно ли, – но увенчаются успехом. Эти попытки делаются решительно во всех плоскостях и направлениях: пытаются изучать и классифицировать психопатии, исходя из самых разнообразных предпосылок – анатомических, физиологических, химических, эндокринологических и др. Строение тела человека сопоставляют с его «характером»; различают психику ваготоников и симпатикотоников; различают психику людей с преобладанием деятельности коры головного мозга от психики людей, у которых преобладают функции подкорковых областей; даже в пределах одной коры головного мозга выделяют разные типы людей (тип лобный, тип затылочный), пытаются установить различие в

психике, если не людей, то животных, исходя из экспериментальных данных об условных и безусловных рефлексах. Ставят психику в связь со свойствами сосудистой системы, с общими свойствами тканей организма, с качеством крови и т. д. Особенно большое поле для выводов подобного рода – выводов не только интересных и заманчивых, но и сплошь и рядом очень серьезных и основательных – дает эндокринная система: говорят о гипертиреоидном и гипотиреоидном темпераментах, о типе тетаноидном и типе базедовоидном, о типах гипогенитальном, гипосупраренальном, гипо- и гиперпитуитарном. Если, с одной стороны, можно это еще раз подчеркнуть, все эти попытки необходимы и в конечном счете приведут к очень определенным и надежным результатам, то, с другой стороны, надо с такою же, если не с большей отчетливостью сказать, что эти попытки пока что еще не дали приемлемого, понятного и хоть сколько-нибудь твердого объяснения тому громадному материалу в этой области, которым располагает клиника. Из этого положения, думается нам, с неизбежностью вытекает другое: пока у нас не имеется определенной соматической базы для изучения конституциональных психопатий, мы должны изучать этот важнейший материал в том аспекте, в котором он доступен и поддается изучению; иными словами, мы должны изучать клинику психопатий. Мы не должны скрывать от себя, но не должны и огорчаться тем обстоятельством, что это наше клиническое изучение психопатий окажется недолговечным, что с тече-

нием времени, с прогрессом знания в основе различных психопатий окажутся найденными определенные соматофизиологические моменты, — все же мы и в настоящее время при теперешнем уровне знания должны изучать и систематизировать психопатии, изучать их клинику в ее статическом и динамическом разрезах; мы должны взять всю эту большую группу конституциональных психопатий за одно целое и исследовать эту общую сумму клинических фактов с одних и тех же точек зрения, не разрознивая отдельных ингредиентов этой суммы, а наоборот, всегда сопоставляя одни слагаемые с другими¹.

В этих вводных соображениях мы бы хотели определенно подчеркнуть, что конституциональные психопатии — как бы ни были разнообразны их проявления — составляют при теперешнем уровне знания одну главу клинической психиатрии. В этой главе психопат должен изучаться под одним и тем же углом зрения, одними и теми же клиническими приемами. Это — первое. Второе — психопат должен изучаться как целое, как личность во всей ее полноте, во всем ее объеме; конечно, должны изучаться возможно полнее соматические корреляции этой личности, но их одних пока еще слишком мало; психопат должен изучаться во взаимоотношении с окружающей его средой, во всех его столкновени-

¹ Метод Фрейда, которым пытаются осветить генез и клинику психопатий, кажется нам слишком и загадочным, и произвольным, и неопределенным для того, чтобы сколько-нибудь серьезно применять его к такой ответственной и широкой проблеме.

ях с этой средой, во всех его реакциях на нее, во всех противоречиях его психики, но всегда он должен изучаться как нечто единое, целостное. Наконец, психопат должен изучаться не только в течение отдельных, болезненных этапов его жизни, а, по возможности, на протяжении всего его жизненного пути; только тогда можно быть до известной степени гарантированным от всякого рода поспешных выводов и обобщений, только тогда можно отделить временное, случайное, преходящее от постоянного и стойкого. Эти три методологических условия кажутся нам необходимыми при изучении психопатий.

Путь, которым можно идти при изучении этого материала, думается нам, двоякий: один путь – путь испытанный, надежный, давший нам уже блестящие результаты, это – путь от болезни к здоровью, от большой сугубой психиатрии к малой, пограничной, путь, которым до сих пор шла наша дисциплина (и не только она одна), и от которого нет никаких оснований отказываться. Другой путь, если угодно, – обратный: от здоровья к болезни или, вернее говоря, путь, имеющий своим исходным пунктом не население психиатрической больницы, а обычную жизненную среду, обычную жизненную атмосферу; этот путь изучает личность в ее взаимоотношениях с окружающей средой с акцентом на последней. Результатом чрезмерного увлечения таким взглядом является предложение заменить термин «психопат» термином «социопат», – предложение, на наш взгляд, и неприемлемое, и

ничем не оправдываемое, а главное, слишком упрощающее эту столь сложную проблему. На этом втором пути изучения особенно много внимания уделяется вопросам воспитания, быта, профессии, ситуации. Эти два пути совершенно разные, но они не исключают, а дополняют один другой. Второй путь, думается нам, в деле изучения психопатий дал еще очень немного, но некоторые вопросы, поставленные благодаря именно этому пути, и очень интересны, и принципиально важны. Соединить, однако, эти два пути в одном исследовании нам кажется очень затруднительным. В нашей работе мы главным образом исходим из клинического опыта и клинического материала; другими словами, мы идем первым путем, это делает нашу работу несколько односторонней; однако фактор социальный, ситуационный, в широком смысле слова, мы не только не игнорируем, а определенно подчеркиваем и имеем в виду.

Сумеет ли мы, оставаясь в пределах клинического опыта, хотя бы на известный промежуток времени дать систему психопатий? Думаем, что нет; но нам кажется небезынтересным хотя бы попытаться это сделать, попытаться дать общую систему конституциональных психопатий, отдельные части которой, может быть, окажутся не заполненными, а лишь намеченными, давая место для будущих исследований. В нашем толковании клинического материала мы дорожим гораздо больше именно общей системой, чем фактическим содержанием; этим объясняется то обстоятельство, что многих

вещей, многих деталей мы совершенно не касаемся, определенно полагая, что таким изложением мы заслонили бы общий план работы. С другой стороны, из тех же соображений мы распределили наш материал не так, как обыкновенно это делается. Психопатические личности, патологические характеры всегда оказываются предметом последних, заключительных глав учебников и руководств по психиатрии; мы же начинаем свое изложение именно с них, как с той основной статической базы, как с той почвы, которая приходит в колебание, в сотрясение, которая меняет свои свойства на долгий или короткий срок под влиянием тех или других факторов (динамика психопатий). Статический и динамический разрез одной и той же психопатической личности – вот принцип нашего понимания предмета, принцип, который не всегда, к сожалению, удастся последовательно провести. Ясно в таком случае, что статический разрез личности как точка приложения внешнего фактора должен изучаться и излагаться раньше, чем ее динамика, в которую должны войти формы реакции этой личности на то или другое внешнее раздражение. Правда, в процессе жизни статика неотделима от динамики; ведь понятие о статике есть понятие в достаточной мере условное, абстрактное, почти математическое, но все же определенные свойства личности к известному моменту жизни индивидуума (к 18-20 годам) оказываются более или менее стойкими, установленными и могут быть взяты как нечто данное, как статический материал, как исходная точка

динамики. Быть может — и это даже наверное — то, что мы описываем в статике, есть нечто производное, есть уже результат динамики; быть может, число основных типов («статических») гораздо меньше, чем взято в нашем изложении, но мы не хотели бы сказать больше того, что в настоящее время знаем; по мере роста знаний некоторые звенья нашей системы могут быть перенесены из одного ряда в другой, но это не должно нарушать всей системы. Критерий динамики, критерий развития необходимо ввести в обиход клинической психиатрии; этот критерий должен быть использован гораздо больше, чем это делается теперь, когда так много внимания уделяется изучению и анализу «состояния» больного и так мало говорится о «течении» болезни. В нашей работе изложению статического материала тоже уделено большое место, но мы бы хотели подчеркнуть, что в статике психопатий имеется в виду фактическое содержание предмета, а в динамике — главным образом типы, законы, формулы развития психопатий; конкретному изложению фактов всегда приходится уделять больше места, чем законам их развития; без первого невозможно и второе.

Огромный материал конституциональных психопатий мы пытаемся систематизировать в пределах клинически наблюдаемых фактов и в пределах современных клинических установок. Отправной точкой в нашей системе является динамический подход к психопатии: берется статика психопатии, и эта психопатия изучается во всем богатстве ее проявле-

ний под знаком динамики социальных условий жизни, динамики биологической (например, возраст), динамики патолого-клинической.

Основными динамическими моментами в патологической жизни личности являются: 1) фаза или эпизод, 2) шок, 3) реакция, 4) развитие. По этой именно схеме идет дальнейший распорядок изложения.

Все общие вопросы – столь важные и интересные: о характере, о темпераменте, о конституции, об индивидуальности – нами оставляются в стороне. Мы вынуждены по роду своей специальности брать вещи, явления такими, какими они наблюдаются врачом и в клинике; и в этом и наше преимущество, но, быть может, в этом же еще больше и наш недостаток; мы хотели бы лишь думать, что эти наши клинические соображения могут сослужить хотя бы небольшую службу и в других областях – областях более общего характера².

² Объем нашей работы не велик: мы исключили подробные литературные справки; но труда и времени наша работа все же потребовала больших. Очень большую помощь оказал нам П.М. Зиновьев, – без его участия в этом деле мы бы не справились с нашей задачей.

Душа психопата. Общие вводные соображения

Современное учение о конституциональных психопатиях явилось результатом углубленной клинической разработки области так называемых пограничных состояний, – пограничных между «душевыми» и «нервными» болезнями с одной стороны и между душевной болезнью и душевным здоровьем – с другой. Область эта обнимает материал в значительной степени разнородный. Сюда входят и легкие abortивные формы психозов-процессов (прогредиентные формы) с определенным моментом начала заболевания, и явления, наблюдаемые в течение всей жизни у неправильно организованных, дисгармоничных личностей. Первые, как бы мягко они ни протекали и какие бы малозаметные изменения после себя ни оставляли, всегда представляют нечто чуждое основной тенденции, направляющей развитие данной личности. При них в ход жизненных процессов организма обязательно вмешивается некоторый особый, обуславливающий сдвиг, фактор и начинается развитие явлений, которые, будучи чуждыми организму и всей личности, приводят ее полностью или частично к изменению и разрушению, к упадку. Принципиально несущественно, сказывается ли в этих случаях болезненный процесс явлениями рез-

кими, яркими или лишь крайне слабыми проявлениями, идет ли он быстро или медленно, дает ли остановку в своем течении или все время прогрессирует; нет поэтому никакой необходимости трактовать отдельно легкие формы таких психозов-процессов вне рамок описания основных их групп. Совсем иначе обстоит дело по отношению к тем случаям, где нормальные явления не представляют результата вмешательства инородного процесса, а оказываются врожденными, присущими самому существу личности и развивающимися только в тех пределах, в которых этого требует ее обычное жизненное развитие или условия ее соотношений с окружающей средой. Если отвлечься от того факта, что всякая жизнь сама по себе есть органический процесс, состоящий из фаз: 1) поступательного развития, 2) равновесия и 3) упадка, то во всех таких случаях можно говорить о состояниях в более или менее точном смысле этого слова, т. е. о явлениях стационарных, а не прогрессивных. Для обозначения подобного рода форм в клинической психиатрии употребляется термин «конституциональные психопатии». Соответственно этому психопатическими называются личности, с юности, с момента формирования представляющие ряд особенностей, которые отличают их от так называемых нормальных людей и мешают им безболезненно для себя и для других приспособляться к окружающей среде. Присущие им патологические свойства представляют собой постоянные, врожденные свойства личности, кото-

рые хотя и могут в течение жизни усиливаться или развиваться в определенном направлении, однако обычно не подвергаются сколько-нибудь резким изменениям. Надо добавить при этом, что речь идет о таких чертах и особенностях, которые более или менее определяют весь психический облик индивидуума, накладывая на весь его душевный уклад свой властный отпечаток, ибо существование в психике того или иного субъекта вообще каких-либо отдельных элементарных неправильностей и отклонений еще не дает основания причислять его к психопатам. Таким образом, психопатии – это формы, которые не имеют ни начала, ни конца; некоторые психиатры определяют психопатические личности, этих, по выражению *Балля (Ball)*, постоянных обитателей области, пограничной между душевным здоровьем и душевными болезнями, как неудачные биологические вариации, как чрезмерно далеко зашедшие отклонения в сторону от определенного среднего уровня или нормального типа³. Кроме того, для громадного большинства психопатий характерным является также признак недостаточности, дефектности, неполноценности в широком смысле слова, тогда как отклонения в сторону усиления положительных свойств личности хотя и ставят иногда субъекта тоже вне рамок нормального среднего человека, ни в коем случае не дают еще права причислять его к психопатам. При определении пси-

³ Вопроса о взаимоотношении между «дегенерацией» и «прогенерацией» мы не касаемся.

хопатий можно также исходить из практического признака, выдвигаемого Шнейдером (Schneider), по словам которого психопатические личности – это такие ненормальные личности, от ненормальности которых страдают или они сами, или общество⁴. Надо добавить, что это – индивидуумы, которые, находясь в обычной жизни, резко отличаются от обыкновенных, нормальных людей, они, между прочим, легко вступают в конфликт с правилами общежития, с законом, но оказавшись, добровольно или по приговору суда, в стенах специального заведения для душевнобольных, не менее резко отличаются и от обычного населения этих учреждений. Количественная сторона дела, степень психопатичности, если можно так выразиться, конечно, может быть настолько велика, что при наличности этой степени психопат может быть очень далек от пограничной полосы и целиком подлежать закрытому психиатрическому учреждению – однако очень большое количество психопатов находится именно на границе между больными и здоровыми.

Надо сказать, что разделение всех эндогенных форм, изучаемых психиатрией, на болезненные процессы (психозы-процессы) с одной стороны и конституциональные психопатии с другой является все же лишь рабочей гипотезой, хотя бы и очень полезной, абсолютность которой ограничивается двумя соображениями: 1) практической трудно-

⁴ Вся недостаточность, условность, относительность этих определений ясны сами собой.

стью постановки точного диагноза и установления наличности сдвига, трудностью, позволяющей некоторым психиатрам считать известные группы психопатий скрытыми процессами (так называемые латентные шизофрении и эпилепсии) и 2) несомненным существованием комбинаций, где процесс развивается на почве конституциональной аномалии.

Вопрос об этиологии психопатий очень сложен. Громадную роль в их происхождении издавна приписывали тому до сих пор недостаточно выясненному биологическому процессу, который называется вырождением. К сожалению, понятие это до сих пор остается чрезвычайно неопределенным. Во всяком случае, применение его в интересующей нас области определенно подчеркивает факт врожденности психопатий. При этом большая часть их должна быть отнесена к состояниям не только врожденным, но и унаследованным, некоторая группа, по-видимому, имеет в своей основе так называемое «повреждение зачатка», и небольшая, может быть, относится к последствиям внутриутробных заболеваний и повреждений. От последних принципиально нельзя отделить некоторые состояния, являющиеся результатом неполного выздоровления (выздоровления с дефектом) после имевших место в раннем детском возрасте заболеваний, при этом, конечно, речь может идти только о тех случаях, когда нет налицо сколько-нибудь заметной умственной отсталости. Совершенно несомненна громадная роль сифили-

са, алкоголизма, а может быть, и туберкулеза родителей в этиологии психопатий. Однако пути, по которым эти факты оказывают свое влияние, остаются совершенно неизвестными. Часть психиатров до сих пор поддерживает выдвинутое *Морелем (Morel)* представление как бы о медленно протекающем болезненном процессе, поражающем не отдельную человеческую личность, а ряд сменяющих друг друга поколений. Другие ограничивают влияние указанных вредностей процессом уже упомянутого выше «повреждения зачатка», которое, строго говоря, нельзя относить к числу наследственных факторов. О случаях простой передачи в неизменном виде одних и тех же психопатических свойств от одного поколения другому много говорить не приходится, ибо они несомненны, но, по-видимому, не редки и такие случаи, когда психопатическая личность представляет из себя неудачную комбинацию наследственных задатков, самих по себе ничего патологического не представляющих. В этих случаях некоторые отдельные признаки, имеющиеся у отца и у матери, будучи родственными или даже тождественными в своей основе, могут взаимно усиливать друг друга, приобретая таким образом непропорционально важное значение в психическом облике некоторых или всех представителей потомства. Наконец, известную роль, может быть, следует отнести также сочетанию качеств, противоречащих друг другу или вообще друг с другом дисгармонирующих, например, сочетанию повышенных требований к жизни с недоста-

точным интеллектом или со слабостью воли, нерешительностью и робостью. К сожалению, до сих пор нет достаточно-го фактического материала, чтобы обосновать или опровергнуть все такого рода предположения.

Уяснению механизма, лежащего в основе неспособности психопатов приспособляться к действительности, много помогает подчеркиваемое *Крепелином (Kraepelin)* понятие о задержке развития. Нередко, сталкиваясь с психопатическими проявлениями, мы невольно получаем впечатление чего-то недоразвитого, детского; таковы хотя бы повышенная внушаемость, склонность к преувеличению и чрезмерно развитая деятельность фантазии у «истеричных» субъектов, эмоциональная неустойчивость – у эмотивно-лабильных и конституционально-нервных, слабость воли – у неустойчивых психопатов, находящихся во власти аффектов, некритическое мышление – у параноиков и т. д. Такого рода психические дефекты *Крепелин* объясняет недостаточным развитием тех или других сторон личности и называет частичными, парциальными инфантилизмами (преимущественно – воли и чувства) в противоположность полному, тотальному психическому инфантилизму, находящему свое определенное клиническое выражение в олигофрении.

Ни анатомии, ни химии, ни эндокринных механизмов, обуславливающих различные формы конституциональных психопатий, мы еще не знаем, так как в деле изучения этих факторов сделаны лишь первые шаги. Сейчас можно толь-

ко указать, что к решению этих вопросов психиатрическое исследование должно будет идти двумя различными, но часто пересекающимися между собой путями, исходя, с одной стороны, из имеющихся у нас знаний относительно соматиче- ки эндогенных прогредиентных психозов и так называемых органических психозов в тесном смысле этого слова, а с дру- гой – из быстро развивающейся дисциплины, имеющей це- лью установление и объяснение индивидуальных особеннос- тей соматики (соматических конституций) различных чело- веческих групп. Изучение могущих служить для выделения таких групп морфологических и функциональных различий, например, в строении тела разных людей, в особенностях их моторики, в деятельности у них желез внутренней секреции, в реакциях межуточной ткани и вегетативной нервной си- стемы, в морфологии и химии крови, в строении и крово- снабжении (цито- и ангио-архитектоника) головного мозга, наконец в особенностях течения у них различных заболева- ний, – это изучение, ведущееся многочисленными исследо- вателями в самых различных областях медицины, дает наи- более показательные результаты именно в случаях патоло- гических или, вообще, значительно уклоняющихся от сред- него уровня. Для нас важнее всего то, что подобное изуче- ние позволяет с несомненностью установить многочислен- ные соотношения (корреляции), существующие как между различными рядами перечисленных индивидуальных отли- чий, так и между ними и психическими особенностями. Из

таких соотношений в настоящее время больше всего привлекает к себе внимание зависимость между эндокринным аппаратом, обменом веществ в организме, законами роста последнего, строением тела и рядом функций нервной системы, особенно психической деятельностью, моторной и вегетативной нервной деятельностью. Широкую известность приобрела попытка *Кречмера (Kretschmer)* установить связь между строением тела и характером, попытка, хотя и не приведшая пока к бесспорным результатам, однако представляющая для интересующей нас области принципиальное значение ввиду того, что автор в своей работе исходил из наблюдений как над душевнобольными в собственном смысле этого слова, так и над конституциональными психопатами.

Приведенные соображения, может быть, сделаются более понятными в связи с той отличительной особенностью учения о психопатиях, которая выражается положением, что изучаемые формы не имеют определенных границ; будучи часто трудно отличимыми от нерезко выраженных психозов, они, с другой стороны, уже совершенно незаметным образом сливаются с так называемой нормой, ибо между психопатическими особенностями и соответствующими им «простыми человеческими недостатками» разница, большей частью, только количественная, а не качественная, — так называемые «нормальные» характеры (если только таковые существуют) без всяких границ переходят в патологические; благодаря этому обстоятельству мы имеем здесь дело то со слу-

чаями, далеко заходящими в патологию, то с лицами, никем не считаемыми за больных. Необходимо добавить, что границы между отдельными психопатиями столь же расплывчаты и неопределенны, как и общие рамки всей этой подлежащей изучению области. Выделяемые нами отдельные формы большею частью представляют искусственный продукт схематической обработки того, что наблюдается в действительности: на самом деле чистые формы психопатий в том виде, как их принято описывать, встречаются редко: в жизни преобладают формы смешанные – отсюда и необыкновенное многообразие, и большая неустойчивость отдельных симптомов.

Как мы говорили, психопаты обычно отличаются недостаточной способностью приспособляться к окружающей их среде и легко вступают в конфликты с обществом. Содержание этих конфликтов бывает очень разнообразно, и представителей подлежащей нашему описанию группы мы видим в самых разнообразных общественных положениях – в общем, диапазон их социальной деятельности очень широкий: от благодеяний – до преступления; по отношению к некоторым из них иногда невольно напрашивается старый французский термин «*delire des actes*» – бред поступков: психопаты этого типа рассуждают очень хорошо, правильно, логично, а поступают, действуют очень «плохо», вплоть до совершения уголовно наказуемых поступков (*folie lucide*, *folie raisonnante*, *folie morale*). Поэтому учение о психопати-

ях имеет не только узкокомедицинское, но и социальное значение, — в частности, проблема преступности вряд ли может быть правильно решена, если игнорировать среди преступников наличие значительного процента психопатов. В связи с этим именно по делам о психопатах психиатрам особенно часто приходится выступать экспертами в судах, давая заключения об их преступлениях, заключения, от которых нередко зависит и судьба обвиняемого, и безопасность общества.

Еще одно обстоятельство: хотя мы и противопоставляем психопатии, как стационарные состояния, психозам-процессам, однако не надо забывать, что статика эта очень условна: она сводится, главным образом, к сохранению известного единства личности, на фоне которого разворачивается сугубая динамика: психопаты особенно легко дают патологические реакции на психические травмы, на чрезмерно тяжелые условия жизни, у них же мы наблюдаем особенно экзквизитные и яркие патопсихологические развития (параноические, «невротические» и пр.).

Общепринятой классификации психопатий нет: некоторые психиатры, как, например, *Крепелин*, при подразделении этой большой группы на отдельные виды исходят из практических, пожалуй, и клинических соображений, другие же стараются классифицировать психопатоз по психологическим и характерологическим критериям. Большое внимание привлекла уже упоминавшаяся выше попытка Креч-

мера разделить всех нормальных людей на две большие конституциологические группы: шизоидов и циклоидов. Явная недостаточность такого двухчленного деления уже очень быстро побудила присоединить к конституциональным типам Кречмера новые группы, например, epileptoидов. Гуревич в недавнее время предложил четырехчленное деление психопатий на шизоидную, циклоидную, epileptoидную и истероидную, или реактивно-лабильную, группы. Мы предпочитаем, в общем, оставаться на почве предварительной, считающейся главным образом с потребностями практической жизни классификации Крепелина, внеся в нее, однако, те поправки, которые вытекают как из необходимости более широкой трактовки подлежащего изучению материала, так и из новых данных, добытых конституциологическим направлением.

Мы начинаем, как уже говорили, со статик психопатов. Для работы, преследующей не только чисто клинические цели, но и некоторые методологические установки, фактический материал все же определенно необходим; в нашем изложении мы не гнались за подробностями, но мы не хотим оперировать абстрактными построениями, а исходим из данных реальной жизни.

Статика психопатий

Циклоиды

Конституционально-депрессивные. В чистом виде эта группа немногочисленна. Речь идет о лицах с постоянно пониженным настроением. Картина мира как будто покрыта для них траурным флером, жизнь кажется бессмысленной, во всем они отыскивают только мрачные стороны. Это – прирожденные пессимисты. Всякое радостное событие сейчас же отравляется для них мыслью о непрочности радости, от будущего они не ждут ничего, кроме несчастья и трудностей, прошлое же доставляет только угрызения совести по поводу действительных или мнимых ошибок, сделанных ими. Они чрезвычайно чувствительны ко всяким неприятностям, иной раз очень остро реагируют на них, а кроме того, какое-то неопределенное чувство тяжести на сердце, сопровождаемое тревожным ожиданием несчастья, преследует постоянно многих из них. Другие никак не могут отделаться от уверенности в своей собственной виновности, окрашивающей для них чрезвычайно тяжелым чувством воспоминания о самых обычных поступках юности. Соответственно этому им часто кажется, что окружающие относятся к ним с презрением, смотрят на них свысока. Это заставляет

их сторониться других людей, замыкаться в себе. Иной раз они настолько погружаются в свои самобичевания, что совсем перестают интересоваться окружающей действительностью, делаются к ней равнодушными и безразличными. Вечно угрюмые, мрачные, недовольные и малоразговорчивые, они невольно отталкивают от себя даже сочувствующих им лиц. Однако за этой угрюмой оболочкой обычно теплится большая доброта, отзывчивость и способность понимать душевные движения других людей; в тесном кругу близких, окруженные атмосферой сочувствия и любви, они проясняются: делаются веселыми, приветливыми, разговорчивыми, даже шутниками и юмористами, для того, чтобы, едва проводив своих гостей или оставив веселое общество, снова приняться за мучительное копание в своих душевных ранах. Во внешних их проявлениях, в движениях, в мимике большею частью видны следы какого-то заторможения: опущенные черты лица, бессильно повисшие руки, медленная походка, скупые, вялые жесты, – от всего этого так и веет безнадежным унынием. Какая бы то ни было работа, деятельность по большей части им неприятна, и они скоро от нее утомляются. Кроме того, в сделанном они замечают преимущественно ошибки, а в том, что предстоит – столько трудностей, что в предвидении их невольно опускаются руки. К тому же большинство из них обычно неспособно к продолжительному волевому напряжению и легко впадает в отчаяние. Все это делает их крайне нерешительными и неспособ-

ными ни к какой действенной инициативе. Интеллектуально такого рода люди часто стоят очень высоко, хотя, большей частью, умственная работа окрашена для них неприятно, сопровождаясь чувством большого напряжения – здесь больше всего сказывается внутреннее торможение, проявляющееся в чрезвычайной медленности интеллектуальных процессов: среди них преобладают «тугодумы».

Физическое их самочувствие обыкновенно находится в полном согласии с настроением: их преследует чувство постоянной усталости и разбитости, особенно по утрам, голова кажется несвежей, мучает чувство давления в ней, некоторые жалуются на тяжелые мигрени. Кишечник работает плохо, и постоянные запоры еще больше ухудшают настроение. Иной раз и желудок оказывается не в порядке, делаясь жертвой всевозможных нервных диспепсий. Большинство жалуется на недостаточный и неосвежающий сон, который к тому же часто прерывается кошмаром, сменяясь днем трудно преодолеваемой сонливостью.

У некоторых из описываемых нами людей внутренняя угнетенность и заторможение до некоторой степени компенсируются вовне волевым напряжением, чрезвычайно трудно, однако, им дающимся: нередко можно видеть, как в минуты усталости или ослабления воли у них спадает надетая на их действительное «я» маска, обнажая подлинное их лицо, – и место веселого балагура занимает полный безнадежного внутреннего отчаяния вялый меланхолик.

Часто такого рода лица уже в детстве обращают на себя внимание своей задумчивостью, боязливостью, плаксивостью и капризностью. Чаще, однако, периодом, когда выявляются особенно ярко черты конституциональной депрессии, бывает возраст полового созревания, когда у казавшихся раньше совершенно нормальными подростков начинается сдвиг в настроении: до того – веселые, общительные, живые, они начинают ощущать тяжелый внутренний разлад, появляются мысли о бессмысленности существования, тоскливое настроение и все другие перечисленные выше особенности, чтобы с тех пор, то усиливаясь, то ослабевая, сопровождать больного уже до старости, когда они или постепенно смягчаются, или же, наоборот, усиливаются до того, что принимают явно психотические формы. Нередко жизненный путь этих психопатов преждевременно обрывается самоубийством, к которому они словно готовы в любую минуту жизни. Наконец, в ряде случаев на описанном основном фоне от времени до времени развиваются психотические вспышки: или маниакальные, или депрессивные.

Как уже было сказано, чистые формы конституциональной депрессии встречаются сравнительно редко. Чаще приходится видеть случаи переходные к смежным группам: конституциональной нервности, в частности – к психастении, иногда даже к конституциональному возбуждению. Мы имеем тогда перед собой то чрезмерно чувствительных, мимозоподобных личностей, болезненно реагирующих на вся-

кую неприятность, то людей, у которых на первый план выступают неуверенность в себе, нерешительность, тревожность, то, наконец, случаи, где вместо угнетения наше внимание, прежде всего, останавливается на раздражительности и склонности к гневным вспышкам.

Конституционально-возбужденные. Эта группа психопатов представляет полярную противоположность только что описанной. Одной из самых интересных ее особенностей является то обстоятельство, что представители ее в нерезко выраженных случаях практически считаются вполне здоровыми и действительно вряд ли могут быть причислены к людям, доставляющим страдания себе или обществу. Крепелин описывает их как блестящих, но, большей частью, неравномерно одаренных субъектов, которые изумляют окружающих гибкостью и многосторонностью своей психики, богатством мыслей, часто художественной одаренностью, душевной добротой и отзывчивостью, а главное, всегда веселым настроением. Это люди, быстро откликающиеся на все новое, энергичные и предприимчивые. Однако при более близком знакомстве с ними наряду с перечисленными положительными чертами в их духовном облике обращают на себя внимание и особенности другого порядка: внешний блеск иной раз соединяется с большой поверхностностью и неустойчивостью интересов, которые не позволяют вниманию надолго задерживаться на одном и том же предмете, общительность переходит в чрезмерную болтливость и посто-

янную потребность в увеселениях, в работе не хватает выдержки, а предприимчивость ведет к построению воздушных замков и грандиозных планов, кладущих начало широковещательным, но редко доводимым до конца начинаниям. С такими людьми очень приятно встречаться в обществе, где они очаровывают своим остроумием, приветливостью и открытым характером, но не всегда легко поддерживают деловые отношения: помимо того, что их обещаниям нельзя верить, многие из них чрезвычайно высокого мнения о себе и поэтому с большим неудовольствием выслушивают возражения против высказываемых ими мыслей или критические замечания по поводу развиваемых ими проектов, позволяя между тем себе насмешки и остроты, иногда чрезвычайно меткие, но очень больно задевающие собеседника. В более резко выраженных случаях мы встречаемся уже с несомненными психопатическими особенностями, кладущими определенный отпечаток на весь жизненный путь таких людей. Уже в школе они обращают на себя внимание тем, что, обладая в общем хорошими способностями, учатся обыкновенно плохо: чрезвычайно неустойчивое внимание не позволяет им надолго сосредоточиваться на одном предмете, поэтому они легко отвлекаются, не способны к усидчивой работе и решительно не в состоянии заставить себя заниматься систематически. Малоаккуратные, они часто пропускают занятия, заполняя свое время любой деятельностью, только не школьной работой. В результате они усваивают большую частью

только поверхностно связанные между собой обрывки знаний, часто претерпевая неудачи и даже катастрофы при различного рода проверках знаний. Кроме того, они легко распускаются и выходят из повиновения, делаясь вожаками толпы во всех коллективных шалостях. Их дурно направленная энергия и способность увлекать за собой других иной раз причиняет настолько большие неприятности школьному начальству, что, несмотря на многие привлекательные особенности этих милых шалунов, оно начинает стараться от них отделаться; с большим трудом переносят они при своих наклонностях и военную службу, часто нарушая дисциплину и подвергаясь всевозможным взысканиям. Рано пробуждающееся интенсивное половое влечение ведет за собой многочисленные эротические эксцессы, которые нередко непоправимо калечат их физическое здоровье. Часто подобного рода пациенты оказываются, кроме того, малоустойчивыми по отношению к употреблению алкоголя и легко спиваются: веселые и легкомысленные, они не только беззаботно тратят все, что у них есть, но и влезают в неоплатные долги. При этом они вовсе не часто опускаются на дно: предприимчивые и находчивые, такие субъекты обыкновенно выпутываются из самых затруднительных положений, проявляя при этом поистине изумительную ловкость и изворотливость. И в зрелые годы их жизненный путь не идет прямой линией, а все время совершает большие зигзаги от крутых подъемов до молниеносных падений. Многие из них знают чрезвычайно боль-

шие достижения и удачи: остроумные изобретатели, удачливые политики, ловкие аферисты, они иногда шутя взбираются на самую вершину общественной лестницы, но редко долго на ней удерживаются, — для этого у них не хватает серьезности и постоянства. Нельзя не отметить, что в своей практической деятельности они далеко не всегда отличаются моральной щепетильностью: по свойственному им легкомыслию они просто проглядывают границу между дозволенным и запретным, а самое главное, их бурный темперамент просто не позволяет им все время удерживаться в узких рамках законности и морали. Мы иногда видим представителей этого типа запутавшимися в крупных мошенничествах, в которые их увлекает не находящая в обычных условиях достаточного применения кипучая энергия, развивающая у них неутолимую жажду приключений и страсть к рискованным предприятиям. Чаше, однако, мы встречаемся с более невинной склонностью ко лжи и хвастовству, связывающейся обыкновенно с чрезмерно развитым воображением и проявляющейся в фантастических измышлениях о своем высоком положении и о никогда в действительности не совершавшихся подвигах, а иной раз — просто в рассчитанных на создание сенсации выдумках о каких-нибудь небывало грандиозных событиях (близость к патологическим лгунам).

Группа сравнительно невинных болтунов при наличности более резко выраженного самомнения и некоторой раз-

дражительности образует естественный переход к другой, значительно более неприятной разновидности описываемого типа, к так называемым «несносным спорщикам». Это люди, которые все знают лучше других, чрезвычайно не любят слушать и особенно не терпят возражений, вызывающих у некоторых из них неудержимые гневные вспышки. Переоценивая свое значение, они склонны предъявлять совершенно неосуществимые притязания, а встречая непризнание и противодействие, легко вступают на путь упорной борьбы за свои мнимые права. В этой борьбе они обыкновенно не останавливаются ни перед чем. Выведенные из себя, они совершенно не считаются с правилами общежития, дисциплиной и требованиями закона, ведут себя вызывающе грубо с окружающими, осыпают своих противников всевозможными оскорблениями и бранными словами, искренно не замечая всей непозволительности своего поведения. Часто они начинают совершенно неосновательные судебные процессы, которые иной раз чрезвычайно упорно проводят до самых последних инстанций, постоянно подстегиваемые испытываемым ими противодействием. От настоящих параноидальных сутяг такие «псевдокверулянты» отличаются все-таки меньшим постоянством, большею мягкостью характера и способностью под влиянием изменившегося настроения от времени до времени приходить к пониманию нелепости своих выходов, а иногда и склонностью к примирению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.